

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И БЛЮД В ГОВОРАХ
МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Пограничные территории Могилевской и Смоленской областей в своем прошлом пережили, как известно, много общего, и вследствие сложнейших геополитических сдвигов, исторически сложившегося смешанного (белорусского-русского) этнического состава населения, а также в результате многовековых тесных социально-экономических и культурных связей и языковых контактов русских и белорусов определилась зона могилевско-смоленского пограничья (МСП).

В зоне МСП исторически сформировался лингвистический ареал, характерная особенность которого — в пересечении, контактировании близкородственных славянских языков — русского и белорусского. В результате этого контактирования в пределах данного ареала сложились относительно однородные говоры, которые ученые-диалектологи считают *переходными*, поскольку последние возникли в результате интерференции, при которой на язык-основу (русскую или белорусскую) "наслаиваются" системные показатели другого языка, причем доминантные системные показатели белорусского языка постепенно ослабевают при его продвижении на восток ареала, а показатели русского языка — при его продвижении на запад. Таким образом, говоры могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) представляют собой своеобразное койне — общий язык, образовавшийся в результате многовекового взаимодействия русских и белорусских диалектов, а в настоящее время эти говоры подвергаются двойному воздействию — и со стороны русского литературного языка, и со стороны белорусского литературного языка (при этом вполне естественно, что белорусский язык оказывает более ощутимое влияние на говоры могилевско-смоленского пограничья, а русский — на говоры смоленского пограничья). Поэтому закономерно, что русские и белорусские элементы разных исторических эпох в ГМСП органично сочетаются, и это единство обнаруживается на всех языковых уровнях, но наиболее ярко — на лексическом.

Лексический фонд ГМСП разнороден, лексико-тематические группы (ЛТГ) довольно многочисленны, они включают лексемы, различные по происхождению и времени возникновения, о чем свидетельствует картотека "Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров" (СМСПГ)².

Наименования продуктов питания, блюд и напитков соотносительны с актуальными, жизненно важными реалиями; исходные продукты и процессы, способы приготовления пищи долгое время остаются неизменными; это процессы домашние, упрощенные, и в них участвует большинство носителей говоров. Поэтому названия продуктов питания, блюд и напитков в диалектах наиболее устойчивы, сохраняются долгое время, подвергаясь лишь языковым изменениям, и, следовательно, закономерно отражают ретроспективу лексики ГМСП.

В картотеке СМСПГ зафиксировано более 200 наименований продуктов питания, блюд и напитков. Эти лексемы объединяются в пять основных ЛТГ: наименования продуктов питания и блюд из муки и круп, наименования продуктов питания и блюд из картофеля; наименования продуктов питания и блюд из молока; наименования продуктов питания и блюд из мяса; наименования супов, приправ и напитков.

Особо значимой в историко-этнографическом плане является первая из названных ЛТГ, т.к. наименования продуктов питания и блюд из муки и круп в значительной части имеют общеславянское и восточнославянское происхождение, отражают основную исторически обусловленную направленность хозяйственной деятельности в зоне МСП, называют продукты и блюда, имеющие всесезонное употребление во время всех суточных приемов пищи, входящие как в обыденный рацион, так и в обрядово-ритуальные трапезы, и, следовательно, являются на данной территории словами с высокочастотным употреблением.

Характер продуктов питания, еды и напитков жителей МСП определялся прежде всего направленностью их хозяйственной деятельности. Поскольку основным было земледелие, то преобладали продукты и блюда из муки. Наиболее ценным продуктом был хлеб (ржаной, пшеничный), его пекли с разными добавками — картофелем, свеклой, в голодные годы — с желудами, мякиной. Хлеб обычно выпекали большими (по 4-6 кг) "буханами", круглыми или продолговатыми. Пекли на поде печи, подстилая под него свежие капустные листья, аир (аёр). Буханки смачивали водой, иногда в праздник обваливали в муке. Если в доме не было хлеба, то на завтрак выпекали *скобородники* (из хлебного теста, которое не подошло) или *преснак*, *корж* (из пресного теста, часто замешенного на сыворотке). Праздничная выпечка — *пирог* — обычно делалась из пшеничной муки.

Древним видом растительной еды была каша. Ее варили из целого, толченого либо сеченого зерна. Кашу из целого зерна (ячменя, реже пшеницы) — *кутью*, *груцу* *гуцу* — готовили в

большей степени как обрядовую (кутью — на родины, поминки, деды) Крупяную кашу варили главным образом из овса, ячных и гречневых круп, заправляли молоком, мясом, салом, колбасой.

Редкие тестообразные мучные продукты были основной едой в обычные дни и в пост. По способу приготовления отличались продукты квашеные (*каша, кулага*), неквашеные (*копотуша, кулеш, саламаха, лемешка*) и из солода (*солодуха, путря*). Из овсяной муки готовили *кисель, жур, толокно*. Были широко известны редкие мучные блюда — *затирка, галушки*. Традиционной едой были блины из ржаной, пшеничной, гречневой, реже ячневой крупы. Блины пеклись утром на завтрак, их брали с собой в поле, в дорогу³.

Лексика, обозначающая в ГМСП продукты питания и блюда из муки и круп, отражает как общее развитие говоров данного региона, так и влияние со стороны русского и белорусского языков. В нашем материале выделяются следующие лексические пласты: 1) слова, общие для русского и белорусского языков, отражающие особенности восточнославянского быта: *сережцака* "жидкое мучное блюдо с мясом, колбасой и разными приправами", *жворонок* "маленькая сдобная булочка в виде птички", *кутья* "кушанье из риса или другой крупы с медом или с изюмом, которые едят на поминках", *налистник* "очень тонкий блин из пшеничной муки", *пышка* "пышная лепешка", *солодуха* "сладкое блюдо из густо заваренной ржаной муки", *сочень* "пресная лепешка с творогом, кашей, ягодами", *ушки* "изделия в виде фигурных кусочков теста" и др.; 2) слова, употребляющиеся в белорусском литературном языке, но отсутствующие в русском: *абаранок* "булочное изделие из заварного теста, закругленное в кольцо, баранка", *блинец* "блин", *мочанка* "блюдо из сала, мяса и колбасы, подколоченное мукой", *лсрник* "сладкое печенье на меду, патоке или сахаре с пряностями", *преснак* "лепешка из пресного теста" и др.; 3) слова, употребляющиеся только в русском литературном языке: *витушка* "крендель", *макозник* "пирог с маком" и др.; 4) диалектные слова, находящиеся за пределами русского и белорусского литературных языков: *баранька* — баранка; *ситница* — ситник, *ватруха* — ватрушка, *скарка* — скарынка (бел.), *ладик, ладка, ладошка* — оладья (рус.), *аладка* (бел.); *блинок* — блин, *кулички* — кулич, *сдобник* — сдоба; *бабашка* "лепешка из ржаной муки", *медовина* "изделие из теста и меда, *просяница* "просяная каша", *сальса* "мука для блинов", *начинник* "пирог с начинкой"; *жамок* "круглый пряник", *кульман* "испеченный вареник"; *балабон* "коржик", *поскребыш* "хлебец, выпеченный из остатков теста", *канун* "кушанье с медом или изюмом, которым поминают умерших"; *арчалик* "печенье определенного вида", *бабах* "обрядовая выпечка".

К последней группе примыкают устаревшие слова, которые относятся к пассивной лексике, зафиксированной только в словаре В.И. Даля, напр. **артос** и **проскура** "освященный хлеб"

Как уже отмечалось, большинство наименований продуктов и блюд из муки имеют общеславянское происхождение. Приведем некоторые подтверждения этому факту

Отмеченное в ГМСП слово **блинец** имеет несомненные деривационные связи с **блин**, но, по данным словаря П.Я. Черных, у него имеется и прямая этимологическая связь с утраченным **млынец**. Русское **блин** известно с XV в., но старшей является форма **млынъ**, известная с XIV в., этимологически связанная с общеславянским *mьlinъ "мельница", которое, в свою очередь, восходит к позднелатинскому molinūm "мельница"⁴

Общеславянское происхождение имеет и приведенное выше слово **верещака**, мотивированное, по некоторым предположениям, от глагола **верещать** (может быть, из-за специфического звука при приготовлении — поджарке сала, мяса, колбасы, которыми заправляется блюдо) Глагол же имеет общеславянский корень **ver-sati** (из *ver-sk-ati, где -sk- — расширитель **ver-**)⁵

Диалектное **ладка** и белорусское **аладка** является однокоренным с русским **оладья**, которое, по имеющимся предположениям, связано с греческим наименованием оливкового масла — **елея (олея)** Происхождение греческого слова не ясно (вероятно, из средиземноморской языковой среды), не ясно и то, каким образом и только на восточнославянской почве греческое слово получило новое значение, отдаленно связанное со старым ("елей")⁶

Лексика описываемой ЛТГ, как и вся бытовая лексика МСП, была связана с характерными реалиями и явлениями, потому ее развитие находилось в тесной зависимости от живой разговорной речи, которая черпала лексические средства из других языков устным путем. Это отразилось на этимологическом ассортименте заимствований, среди которых выступают в основном слова немецкого, польского, литовского происхождения. Такие заимствования могут быть представлены следующими словами

бохонь (бохань, бохень) "бохан" 1518 < ст. пол. bochen (1534, SP II 249 < свр. лол. vochenze?, SJSE I, 38);

пампушокъ (пампушекъ, понпушекъ) "пампушка" 1653 < пол. Pampuszok (от нем. Pfannkuchen, SJP VI, 61);

сахарник < сахар < сукорь, цюкорь (бел. Цукар) 1538 < ст. пол. cukier (1393, Sst J 339 < нем. Zucker, от нем. Zuchero < ар. Suhkar)⁸

Диалектное слово **баранька** соотносится с литературными **баранка** (рус.) и **абаранак** (бел.), которое, оказывается, ближе к своему историческому употреблению, о чем есть свидетельство в словаре

П.Я.Черных⁴, где среди форм этого слова, взятых из разных славянских языков, есть польск. *obaganok*. В русском языке старинная форма была, видимо, *баранок*, впервые отмеченная в рукописной "Книге приходно-расходной Иверского монастыря" (1663-1669 г): "Того ж числа едимно братии *баранков* на семнадцать алтынъ". Произошла она, надо полагать, из *обарянок* (ср. польск. *obaganok* и бел. *абаранак*) и претерпела изменения *бв* < *в* и отпадение *о*- как части префикса *об*-. Род этого существительного был поддержан влиянием слова *баран*, особенно — упорбленного во фразеологизме *согнуть в бараний рог*.

Лексическа ГМСП, разнообразная во всех отношениях, дает простор и для историко-этимологических исследований.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

В эту зону условно включается часть территории Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского районов Могилевской области и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумяцкого, Ершичского районов Смоленской области, которая отдалается от официальной границы между этими областями не более чем на 20 километров

²Картотека "Словаря моголевско-смоленских пограничных говоров" составлена из материалов, собранных студентами и преподавателями кафедры русского языка Моголевского госуниверситета им. А.А.Кулешова. I том Словаря (на буквы А-Н) подготовлен к изданию; в настоящее время завершается работа над черновым вариантом II тома.

³Этнографические сведения даются по след. источникам: П.А.Молчанова. Материальная культура белорусов. — Мн., 1968; Этнографія Беларусі. Энциклапедыя. / I.В. Шамякин, В.К.Бандарчык, Я.В. Малашэвіч і інш. — Мн., 1968.

⁴Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. — М., 1994, т.1, с.73.

⁵ Там же, с. 142.

⁶ Там же, с. 596.

⁷ См.: Булыка А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XVI — XVIII ст.ст. — Мн., 1980, с. 24.

⁸ Там же, с. 49-52.

⁹Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. — М., 1994, т.1, с.73.